

***А может быть, то, что  
нам кажется важным, —  
это не так уж важно?  
А то, что нам кажется  
второстепенным, — это  
главное и есть?***

А. Володин

## ГЛАВА 1

Восемь часов, взятых взаймы у жизни, подходили к концу. Платон молча сидел и неотрывно следил за тем, как самолетик в мониторе напротив медленно приближается к точке невозврата. Эта линия словно подводила черту и под его недавним прошлым заодно — все, чего он достиг, о чем так долго мечтал, теперь становилось чужим и таким незначительным, как если бы об этом просто написали в газете.

Платон не глядя расстегнул молнию на левой митенке, потом, словно опомнившись, быстро застегнул обратно, повернулся к иллюминатору и уставился в бескрайнее небо. А ведь ему и вправду казалось, что он больше никогда сюда не вернется и не увидит эти знакомые черные пейзажи, пока еще скрываемые от глаз молочной пеной облаков, но верно все-таки подмечено: хочешь рассмешить Бога, расскажи о своих планах.

А между тем шутить совсем не хотелось, да и не в тех они были отношениях, чтобы развлекать друг друга. Хотя когда-то давно Платон еще на что-то надеялся, но Бог оказался слишком занят, и мальчик больше не стал ему надоедать. Когда из двух новостей обычно обе плохие, их лучше держать при себе, чтобы не портить другим настроение.

Собственно, с тех пор мало что изменилось. Платон соблюдал дистанцию и никого ни о чем не просил или в крайнем случае платил сразу, причем часто сверх меры. Так услуга переставала быть возвратной, а люди навсегда лишались удобного случая, чтобы напомнить о своей доброте. Естественно, это многим не нравилось, ведь чем больше они получали, тем сильнее им хотелось спросить и с него, поэтому долги появлялись буквально из воздуха. И даже здесь, на борту этого самолета, хотя Платон сидел один, выкупив два билета сразу, его снова сделали крайним.

Сначала дама с младенцем на руках самонадеянно решила, что им было бы неплохо поменяться с ним местами, учитывая дополнительное пространство, словно специально отведенное для ее люльки, затем бортпроводница настойчиво хотела Платона чем-то накормить, пока он не послал ее куда подальше, и, наконец, обидел соседа слева, который, накачиваясь виски, как будто почувствовал, что у них могут быть общие темы для разговора.

Платон посмотрел на свои руки — они дрожали. Резкий выход «на сухую» давал о себе знать. И если раньше это происходило только под присмотром одного знакомого врача, который, ни слова не говоря, ведь, как известно, молчание — золото, приезжал к нему по первому зову, теперь обращаться за помощью Платон не стал. Он лишь купил билет на этот самолет и приковал себя к креслу ремнями безопасности, вполне осознавая, что совершает едва ли не самоубийство, но лучше сразу спуститься в ад, чем дальше наслаждаться мнимой свободой и на четвереньках тащить на себе этот тяжелый крест, где так удобно

устроились все те, кому он в этой жизни якобы сильно задолжал.

Платон вытянул вперед свои худые длинные ноги и, чтобы снять напряжение, медленно закрыл глаза. На большее рассчитывать пока не приходилось. Но посторонние звуки вдруг сразу стали приглушенными, точно кто-то щелкал по пульту, постепенно убавляя громкость, и наконец исчезли совсем. Его качнуло из стороны в сторону и утащило куда-то вниз.

Платон огляделся по сторонам. Небо было затянуто плотными тучами, и на фоне сумрачных красок туманного леса ярким пятном выделялась группа людей, что шла чуть в стороне. Артисты в трагикомических масках, факиры, акробаты и карлики с разноцветными вертушками в руках то и дело мелькали между черными стволами голых деревьев. Платон попытался их окликнуть, но голос пропал, привлечь их внимание, но тело не слушалось. Оно уходило в чавкающую трясику, причем от каждого движения все быстрее.

Неожиданно великан, который шел в ряду последним, его заметил и в два прыжка оказался рядом.

— Угомонись, — рывкнул он и склонился над Платоном, — или я тебя сейчас прибью!

На плечах его сидела девушка в сверкающем платье. И хотя лицо ее казалось смутно знакомым, вспомнить имя никак не получалось, по нему словно прошлись ластиком, оставив местами лишь нечеткий контур. Она нетерпеливо ерзала на месте и безрассудно свешивала одну ногу, затем другую, поглядывая вниз и примеряясь к высоте, но по итогу лишь горько заплакала, явно смирившись со своей судь-

бой. Великан это сразу заметил и снова вернулся в строй. Глядя на то, как девушка исчезает в толпе и расстояние между ними увеличивается, Платон задрал подбородок повыше, но провалился вниз, после чего вода сомкнулась над его головой. В ушах загудело, он почувствовал сильное давление и в следующее мгновение проснулся.

Любые попытки вернуться обратно не увенчались успехом: снова и снова закрывая глаза, Платон больше не видел ничего, кроме темноты. Наконец, ему надоело пытаться и после недолгих колебаний он встал.

Расположенная над дверью люминесцентная лампа горела наполовину, значит, туалет был свободен. Оказавшись внутри, Платон перевел щеколду в закрытое положение, набрал в ладонь воды и обтер лицо. Из зеркала на него смотрел измученный человек. От напряжения на лбу выступила крупная синюшная вена в форме треугольца, она делила его на две неровные половины. Почти прозрачные глаза оливкового цвета покраснели, и без того впалые щеки совсем провалились, а крупные губы местами потрескались... Интересно, если не остановиться, насколько его хватит? Платон нахмурился, вернулся на свое место и опустился в кресло, после чего почти сразу получил удар в спину.

— Копия твой папаша, — прилетело следом. — Свалились на мою голову!

Кажется, во сне с ним разговаривала та, что весь полет просидела в наушниках сзади и увлеченно смотрела фильмы один за другим, пока ее ребенок, размахивая конечностями, остро нуждался в визите экзорциста.

— Еще один звук... — зашипела соседка и обратилась к Платону: — Наверное, она вас уже достала.

Само собой, каждая женщина с детьми, даже если в ее присутствии обсуждали космос, любой разговор сводила к одному — радости материнства, только эта информация Платона мало интересовала. Поэтому он сделал вид, будто не услышал, но чужие пальцы уже впились в его подголовник. Очевидно, девушка была не из тех, кто принимает отказы.

— Вы случайно не знаете, когда мы приземлимся?

— Вы не любите летать? — сухо ответил Платон вопросом на вопрос и подался вперед всем телом, инстинктивно желая увеличить дистанцию.

— Я люблю летать только с няней, — говорила она чересчур манерно, и это сильно резало слух. — А у вас дети есть?

— Нет.

— Тогда вам очень повезло.

Платон замер и, наконец, посмотрел ей в глаза:

— И зачем же вы тогда рожали?

Девушка заправила прядь своих всклокоченных волос за ухо и усмехнулась, как бы намекая на то, что ей приходится общаться с идиотом. Это была брюнетка на вид не старше двадцати пяти. Пухлые щеки, крючковатый нос и темные глаза с красным отливом — всем своим видом она напоминала крысу, готовую броситься и вцепиться прямо в лицо.

— Так захотел мой муж, — последнее слово она выделила особенно четко. — Решил на старости лет поиграть в милого папочку.

Платон перевел взгляд на девочку. Малышка уже перестала плакать и теперь, сложив губы бантиком, сердито

разглядывала свои розовые ботиночки. Все ее поведение говорило о том, что ей здесь совершенно не нравится, а может, ей просто не нравится та, на кого она была совсем не похожа. Как ни странно, но внешне девочка больше напоминала Платона: те же миндалевидные глаза со складкой внутреннего века, высокая переносица и прямые брови — казалось, будто родственниками были именно они.

— Так сдайте ее в детдом. Пусть другие тоже поиграют, — злобно произнес Платон и повернулся к ним обеим спиной. Пора было закрывать эту тему: внутри стала подниматься чернота и повалил дым, сквозь который уже ничего не разглядеть.

Что-то еще возмущенно сказала соседка, но Платон ее больше не слушал, так же как читают по диагонали, он лишь выхватывал на лету какие-то слова, не вникая в содержание. Теперь его интересовало другое. Погода успела сильно испортиться, и по стеклу сначала медленно, затем чуть ускоряясь, поползли крупные капли дождя. Самолет стремительно сбрасывал высоту, а вместе с ним в черную паутину города падал и сам Платон. Уже стали видны дороги и многочисленные огоньки машин, все куда-то спешили, вероятно, домой...

Он резко опустил шторку иллюминатора. Уши заложило, к горлу подступила тошнота, все предметы перед глазами стали таять, точно были сделаны из воска, а зажатое красным табло «Пристегните ремни» расплылось. Везде слышались голоса и детские всхлипы, кто-то даже начал молиться. Платону захотелось встать и крикнуть во все горло, что их никто не услышит, но было поздно. Шасси ударилось о землю, самолет задрожал и на огром-

ной скорости покатился вперед. Еще оставалась надежда, что не сработают тормоза, но жизнь не баловала Платона приятными сюрпризами.

Когда движение прекратилось, в салоне сразу стало шумно, как при открытии торгов на фондовой бирже. Заглушая голос командира корабля, честно отрабатывающего свой хлеб, а заодно и друг друга, люди возбужденно говорили по телефону и только один Платон сидел молча, уставившись прямо перед собой.

— Это ваш багаж? — чей-то голос вернул его на землю.

— Что?

— Ваш? — угрюмый мужчина, едва скрывая недовольство, повторил свой вопрос и приподнял чемодан с пола.

Платон старался дышать ровно. За годы отсутствия здесь ничего не поменялось. Люди смотрели на него в точности так же, как и в тот день, когда он думал, что прощается с ними навсегда.

— А есть еще варианты? — поинтересовался Платон.

— Нет. Идите за мной.

Они спустились вниз по отдельной лестнице и вскоре оказались на улице. В лицо сразу ударило сыростью — прогорклый запах этого города сложно было перепутать с любым другим. Платон тотчас оглянулся, посмотрел на огромный самолет за своей спиной и впервые в жизни позавидовал пилотам, которым было позволено отсюда улететь.

— Поторопитесь, — окликнул его мужчина, энергично подошел к машине и встал рядом, ожидая безусловного выполнения своей команды.

Сама по себе мысль, что придется уступить, была невыносима, но Платон лишь безмолвно пошевелил губами

и, не дожидаясь повторного приглашения, забрался в салон.

Следующие минут десять они провели в полной тишине. Платон провожал взглядом бегающие по ногам полосы света, а его спутник сосредоточенно изучал дорогу, словно видел ее впервые, и, кажется, дотронься до него, ударит током. Поэтому, как только из окна стал виден терминал, Платон вышел первым, не затягивая сцену прощания.

— Добрый вечер! — женщина в синем жакете одарила его блаженной улыбкой. — Как вы долетели?

— Отвратительно, — он опустил глаза и сразу отошел в сторону, чтобы не сболтнуть лишнего. Меньше всего ему хотелось стирать чужие слюны со своего лица.

В холле звучала легкая музыка и на больших экранах, что висели на стенах, как картины в музее, крутили рекламные ролики. А чуть в стороне, метрах в пяти от того места, где стоял Платон, находился еще один «экспонат». За столиком сидела худая женщина с выбеленными, как у куклы, волосами. И хотя удобный диван с ней делил мужчина, они не разговаривали и даже не переглядывались, будто были совсем незнакомы. Он развлекал ребенка, она — себя, наполняя бокал шампанским. Ждать официанта, видимо, не было больше сил. Платон покосился на бутылку, сглотнул и поджал губы.

— Ваш багаж в машине, — казалось, прошла целая вечность, прежде чем он это услышал. — Вас сейчас проводят.

— Я сам.

Куда идти, Платон, естественно, не знал. Главное — исчезнуть. Внутри нарастала тревога, почти как перед прыжком в пропасть, когда к ногам уже привязан трос.

В голове пульсировала одна-единственная мысль: купить билет и улететь обратно. Пока он не вышел наружу, все это не считается. Но едва двери разъехались перед ним в обе стороны, Платон шагнул вперед, толкая себя изнутри.

Возле машины терся мужчина крепкого телосложения и, судя по тому, как сидел на нем его костюм, висел он в гардеробе в единственном экземпляре на все случаи жизни: от выпускного до похорон.

— Добрый вечер! — Мужчина стал обходить машину со своей стороны. — Сейчас я вам открою...

Но Платон не стал его дожидаться. Все, что он действительно хотел, — чтобы от него все отстали.

Было слышно, как сзади захлопнулся багажник, как водитель занял свое место и пристегнулся.

— Можем ехать?

Платон посмотрел в окно. Когда он сбегал отсюда и сел на ближайший рейс, его преследовал страх, будто в любую секунду за ним обязательно придут и выведут наружу. И вот теперь, спустя годы, сам сюда вернулся. Платон нажал на кнопку — солнцезащитная шторка поднялась.

— Теперь можем. — Встречаться с этим городом он был пока не готов.

Ключи охранник вручил ему на месте. Платон брезгливо посмотрел на связку и сжал ее в кулаке. Затем поднялся на второй этаж, заперся на все замки и уткнулся лбом в холодную дверь. Теперь он был, слава богу, один. Теперь он был, черт побери... дома.

## ГЛАВА 2

Виктория прислушалась к неровному дыханию города за окном. Вечная гонка, из которой она выбыла. А ведь раньше ей так не нравилась осень, теперь же мечтала на час или хотя бы на полчаса спуститься вниз и немного пройтись... Но только кто ее отведет?

— Я все оставила на столе, — послышался грубый женский голос из коридора. — Потом обязательно поешь.

— Не нужно было беспокоиться.

— Да брось! Я все равно готовлю на семью. — В дверном проеме мелькнула седая макушка. — Еще полы подотру, а то на следующей неделе не смогу приехать. Но сынок завезет тебе продукты, не переживай.

— Как там на улице? — Виктория взяла пульт со стола.

— Великий потоп. Льет и льет. Даже не знаю, как мы на дачу доберемся.

Редкие капли дождя разбились о внешний подоконник.

— Не утонете, — Виктория произнесла это вслух, но так тихо, что Раиса вряд ли могла ее услышать.

Нужно сохранять спокойствие, хотя бороться с напряжением внутри себя все сложнее. Особенно когда включается одна и та же пластинка. Сын то, сын это. Муж то, муж это. И ведь не надоедает.

— Игорек говорит, что нам теперь и помирать можно. Ты же помнишь, сколько мы эту дачу строили?

Ну как такое забудешь? При всем желании не получится. Виктория переключила на другой канал. Шел сериал, за жизнью героев которого следить было куда интереснее, во всяком случае, делала она это по собственной воле.

— А сколько денег утروهали! Не сосчитать.

Виктория улыбнулась. Точных сумм она, конечно, не знала, но примерно представляла себе порядок цифр.

— Может, и меня с собой возьмешь?

Наступила пауза. Швабра перестала шоркать по полу.

— Слушай. — Теперь Раиса заполнила собой весь дверной проем. — Да там и места, считай, не останется: дети, трое внуков. Но мы с тобой весной туда обязательно съездим, — добавила она и снова принялась за уборку.

— Обязательно съездим, — повторила за ней Виктория и посмотрела на свои морщинистые руки с узлами выступающих вен.

Каждый раз она видела их словно впервые — кожа белая и тонкая, как пергамент. Виктории было сложно примириться с собственным уродством. А вот Раиса почти не изменилась, только на лбу пролегла паутинка из глубоких морщин да копна ее пышных волос заметно поредела. Но везет тем, кто везет, а не покорно едет рядом, поэтому у одной теперь большая семья и эта проклятая дача, а у другой телевизор — единственный проводник во внешний мир. Мир, который всегда был к Виктории крайне жесток. Хотя нет, кое-что еще осталось. Поэтому Раиса сюда и таскается с другого конца города.

Виктория обвела взглядом комнату. А ведь раньше она так боялась потерять эту квартиру, но, как оказалось, никому, кроме падальщиков, она теперь не нужна.

— Ну, все, — прокашлявшись, сказала Раиса. — Чистота.

— Спасибо, — Виктория отложила пульт в сторону.

— Как самочувствие?

— Прекрасное.

— А давление? — Подруга медленно села в кресло, и оно под ней закрипело.

— Могу в космос лететь.

— Таблетки выпила?

— Выпила.

— А голова не болит?

— Не болит, — соврала Виктория, хотя та уже раскалывалась от этих бесконечных вопросов. — Что ты хочешь? Люди не молодеют.

— Нельзя так относиться к своему здоровью. Тебе еще жить да жить.

Виктория устала смотреть телевизор. Слова, призванные подбодрить, звучали на редкость фальшиво.

— Послушай, — аккуратно начала Раиса. — Ты что-нибудь решила? А то мои спрашивают.

— Пока нет.

— Просто Машенька скоро родит...

— Я понимаю.

Молчание. Похоже, такой ответ не доставил Раисе удовольствия.

— Хорошо. — Она сразу перестала улыбаться и ударила себя по коленкам. — Тогда мне и вправду пора. Дел по горло. Или посидим на дорожку?

— Давай посидим. — Секунда, две, три, пять... — Я про-  
вожу. — Виктория встала.

— Не торопись, — умоляюще попросила Раиса и вцепи-  
лась в подлокотники кресла. Это тяжелое тело еще нужно  
было как-то поставить на ноги.

Только Виктория не могла больше ждать.

— Сними, пожалуйста. — Она потянула дверцы шкафа  
на себя.

— Что снять? — Раиса наклонила голову к одному плечу,  
точно собака, которая не понимает, чего от нее хотят.

— Шубу... — Виктория слышала каждый удар своего  
сердца. — Тебе же она так понравилась, а мне всегда была  
велика.

Раиса сжала в руках дорогой подарок, но благодарить  
за него не стала. Взгляд ее стальных глаз был красноречи-  
вее любых слов.

— На добрую память, — произнесла Виктория, понимая,  
что теперь о ней вряд ли будут помнить только хорошее.

Она проводила Раису с шубой в коридор и, прислонив-  
шись плечом к стене, стала наблюдать, как подруга, кряхтя,  
застегивает молнию на сапогах, вцепившись толстыми  
пальцами в канцелярскую скрепку. Так и не скажешь, что  
дачу построили, но, с другой стороны, не за свой же счет.

Потом Виктория закрыла дверь. Щелчок выключате-  
ля — дело было сделано. Сразу полегчало на душе. Навер-  
ное, они больше никогда не увидятся, во всяком случае,  
ей бы этого точно хотелось.

Обратно в комнату Виктория возвращаться не стала,  
сразу отправилась на кухню и включила там верхний свет.  
Толстый рыжий таракан замер на секунду и тотчас скрылся

в щели за раковиной. На столе была оставлена еда — или, скорее, обеды. Виктория несколько раз сходилa в туалет, смыла все в унитаз, затем вернулась обратно и сложила грязные лотки в раковину. Даже смешно: хотят получить почти даром эту квартиру, а за лишнюю копейку удавятся. Но ничего у них не выйдет, Виктория за нее заплатила полную цену. Так что пускай Раиса носит шубу, а ее непутевый зять сам решает, как закрыть свой жилищный вопрос. А если не получится, то, может, хотя бы перестанут дальше рожать.